

А. Гасанов

Татарская деревня

Сборник рассказов №17

А. Гасанов

**Татарская деревня.
Сборник рассказов № 17**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Татарская деревня. Сборник рассказов № 17 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851776-1

Продолжение сборников небольших историй о жизни, про жизнь и за жизнь.
Неплохое чтение в дорогу и не только. Юмор, соцреализм и другое.

ISBN 978-5-44-851776-1

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Наталья Борисовна	6
Серьёзное дело	9
Апрель	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татарская деревня Сборник рассказов № 17

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1776-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталия Борисовна

...Жила в нашем подъезде моя одноклассница Илонка. Толстая весёлая девчонка, на-половину армянка, на-половину русская. Кудрявая, с шикарной шевелюрой, белокожая, с огромными верблюжьими ресницами. Мать её, Наталья Борисовна, давно уже развелась, и жила с дочкой вдвоём. Илонка бегала по двору оторва-оторвой, хотя всегда была и одета и накормлена, а Наталья Борисовна каждый вечер играла на пианино, регулярно нервируя весь подъезд, и пела грудным контральто «...Оружьем на со-олнце сверка-а-а-я!..»

Илонка, закончив школу, неожиданно для всех выскочила замуж, и умотала куда-то в Венгрию. А Наталья Борисовна осталась одна. Удивительно всегда выглядела она. Женщине далеко за полтинник, былая краса увяла, хотя Наталья Борисовна и придерживалась пури-танского образа жизни, и теперь, всё ещё по-привычке видимо, хорошась и нафуфыриваясь, она всё время вызывала своим видом улыбку и недоумение. Огромные массивные каблуки, юбка в пол, кружевная блуза, причёска «а-ля эспаньоль» на фоне изможденного диетами, морщинистого тела, смотрелись настораживающе. А когда Илонка смоталась, Наталья Борисовна и вообще покатила по наклонной. Нет, она не пила и не курила, мужиков не водила, и являла собой образ дамы в летах, упорно неувядающей и молодящейся, и прить её в этом деле обескураживала. Мало того, Наталья Борисовна закончила курсы психологии и практической магии, и, кроме того, что она преподавала английский язык в школе, откуда её настойчиво пытались всё время отправить на пенсию, она ещё и подрядилась психологом в младшие классы. Мамашки прибегали к директору:

– Чё за дура у вас тут детям мозги вставляет?..

Директриса пожимала плечами, типа «шо такое?», хотя была в курсе.

– Вы об чём?

– Чё за дура у вас теперь?, – орали родители, красные от гнева, – На кой чёрт вы её поставили?..

А Наталья Борисовна, проводя психологический тест для каждого из первоклашек, старалась от души, и вкладывала в работу всю душу:

– Вот, смотри и слушай меня внимательно, – говорила она, ложась грудью на парту, приближая лицо к самому носу первоклашки, – Па-ра-ход... Что?.. Де-ла-ет?..

Первоклассник, с опаской поглядывая на хищный маникюр психолога (кровоаво-чёрные когти в три сантиметра длиной), вежливо улыбался:

– Плывёт.

– Нет!, – резко перебивала Наталья Борисовна, разгибаясь, – Ты не волнуйся!.. Ты главное – не волнуйся!.. Ты сейчас внимательно послушай меня и постарайся ответить. Хорошо?..

И она строго ждёт, когда мальчик кивнёт.

– А теперь слушай меня внимательно, – говорит Наталья Борисовна, медленно приближая к лицу ребёнка макияж ведьмы на дискотеке, – Па!.. Ра!.. Ход!.. Что?.. Де.. Ла.. Ет..?..

Тщательно подумав, перепуганный насмерть ребёнок затравленно шепчет:

– Гудит?..

– Нет!.., – с сожалением перебивает Наталья Борисовна, начиная терять терпение, – Ты не волнуйся, самое главное!.. Ты не волнуйся!.. Успокойся!.. Послушай меня внимательно и не торопись!.. Хорошо?.. Ты меня понимаешь?.. Ты слышишь меня?..

Ребёнок вжимает плечи, сползая под парту, но Наталья Борисовна терпеливо подбирает слова, нависая над столом, приближая лицо сверху:

– Подумай внимательно. Хорошо?.. Подумай как следует! Ты меня слышишь?.. А?.. Па-ра-ход... Что?.. Делает?.. Ты не волнуйся!..

Ребёнок, вжимая позвоночник в стул, втягивая голову, начинает моргать и всхлипывать.

... – Вы представляете?!, – орала очередная мамаша в кабинете директора, – Эта дура довела моего сына до слёз!.. Ребёнок наотрез отказывается идти в школу!..

Директриса устало вздыхает, совершенно задолбавшись объяснять каждый раз одно и то же:

– Ну... Извините, ради бога!.. Старый преподаватель... Заслуженный Учитель... Понимаете?... Простите, пожалуйста... Ей до пенсии совсем чуть-чуть осталось... Одни только благодарности... Выслуга лет... Я же не могу её...

(Наталье Борисовне на пенсию можно было уйти семь лет назад!)

... – Очень хороший педагог...

– Дура она у вас конченная!, – орала мамаша, – Старая дура!.. Ненормальная дура!..

Директриса, уже десять раз разбиравшаяся на эту тему, знает наверняка – успокоившись и остыв, мамашка тоже будет извиняться, тоже объяснит, что, мол, время у нас такое, а перед самой дверью обязательно спросит, оборачиваясь со смешком:

– А чё он делает-то?.. Пароход?.. Если он не гудит и не плывёт...

Директриса вздыхает, отводя глаза:

– Он «перевозит пассажиров»...

И прощание предсказуемо задерживается я ещё на две-три минуты восклицаний, шутилых проклятий и нервного смеха...

... – И вы извините, пожалуйста... Тоже...

– Да я понимаю, понимаю, простите... «Психолог!»...

...И вот, Наталью Борисовну, наконец, торжественно выперли из школы.

Женщина заметно преобразилась.

Поносив ещё месяц официоз в прикиде, Наталья Борисовна постепенно отказалась от яркого макияжа к облегчению соседей. Согласитесь, жутковатое зрелище встретить за-полночь на лестничной площадке ярко накрашенную старуху в мини-юбке и с мусорным ведром.

Свои вечерние концерты под фортепиано Наталия Борисовна почти забросила, и лишь иногда среди ночи вдруг кто-нибудь из соседей подпрыгивал во сне, услышав неожиданно гром клавиш и высокий грудной вопль – «... Нет! Не любил ты!.. Совсем не любил ты!..»

А потом Наталью Борисовну видели во дворе с собакой.

Все вздохнули с умилением. Ведь это хорошо же!.. Одинокая, порядочная дама, чтобы скрасить свою жизнь, коротает досуг с холёной взрослой псиной. И одиночество ни так гложет, и вообще... Наталья Борисовна проживала на четвёртом этаже, и из дома напротив некоторые теперь видели по вечерам, как женщина, вымыв пса, кутала его, словно младенца, в простыню, и качала и прибакивала на распев по-старушечьи:

– Шарик наш посратушки... Шарик наш поссатушки... А потом пожратушки... А потом гулятушки... Ой ты ясный сокол мой!.. Ой ты свет-царевич мой!... Шарик-свет царевич мой!.. Ой же ты кормилец мой!..

И тугоспеленатый накормленный до отрыжки Шарик, охреневающий от обилия заботы, терпеливо вздыхает, с трудом сдерживаясь, дослушивая бесконечную колыбельную.

По двору Шарик ходит с забинтованными лапами, потешно задирая их и подскальзываясь. Наталья Борисовна регулярно стрижёт ему когти под самый палец, когти кровят, повязки в красных пятнах... Пса Наталья каждый день лечит, возмущаясь и сочувствуя сама себе на весь двор. То «что-то ты съел, наверное! Опять клизму ставить надо!..», то «...это аллергическое, наверное!.. Сейчас придём, и я тебя полечу как следует!..» Очумевший пёс (где она его нарыла?) несколько раз вырывался и убегал, и Наталья Борисовна сутками бегала по городу, причитая и призывая пса к совести с огромным кровавым куском мяса в руке. И потом пёс сдох, наконец-то.

... – Сволочи!.., – несколько дней кричала с балкона Наталья Борисовна, – Все люди, которые проживают в этом доме – все сволочи!.. Я знаю, что вы меня сейчас слышите!.. Вот

сидите и слушайте – вы сволочи!.. И вы, и дети ваши, все – сволочи!.. Невинную собаку отравить!.. Сволочи бессердечные!.. Будьте вы прокляты, твари!.. Вот и весь мой сказ!..

Покричав с полчаса, Наталья Борисовна с сердцем хлопала дверью балкона, и, погревшись пять минут, выходила с новыми силами:

– Сволочи и подлецы!.., – кричала она визгливо в морозное небо.

...Я вернулся из армии, женился и сразу зафигачил дочь. Жил я уже отдельно от родителей, и как-то проходил мимо родного дома.

...Возле мусорного контейнера на снегу небрежно рассыпано штук сто чёрно-белых фотографий. Вот маленькую Илонку целует молодая Наталья Борисовна, а рядом счастливо улыбается курчавый мужик. Вот Илонка первоклассница, Наталья Борисовна с короткой причёской рядышком, руки развела, обняться приглашает. Вот новогодняя ёлка, смазанный слизмок, детишки в масках. Вот Илонкина мамаша в полный рост с новой сумкой и в лаковых босоножках с какой-то подругой, лица серьёзные, причёски двухэтажные... Штук сто фотографий, ей-богу!.. Весь семейный альбом. Люди ходят, наступают на мокрые, рваные уже фотографии. Есть портретные, большие. Бабушка в платочке какая-то губки поджала... Строгий дед с бабкой, а посередине молодая парочка лыбится...

...Наталья Борисовна окончательно свихнулась, и ходила по улице, пугая своим видом. На улице дождь и ветер, а старая женщина совершенно этого не замечает, выскочила в рубаше мужской и босиком, худая, как скелет, но с жутким макияжем, пальцы на руке обожжённые (свет отключили за неуплату, спичками ночью светила в квартире, ногти оплавленные):

... – Я им так и скажу!.. Вы что же думаете?.. Я так и скажу сейчас!.., – кому-то она всё доказывает, шлёпая по лужам и трясясь от холода, – Это же ни в какие ворота не влазит!.. Скоты!..

Пианино давно расстроилось, несколько клавиш западает, и голодная до полуобморока Наталья Борисовна настойчиво подбирает по ночам мелодию, чудовищно фальшивая, а ей стучат в стену, и она краснеет от крика:

– Сволочи!.. Я так и скажу вам – сволочи вы все!..

Спасаясь от холода (окно разбила утюгом, ругаясь с соседями, которые запрыгивали с тротуара на балкон четвёртого этажа), она как-то чуть не сожгла дом, поджигая газеты, кто-то вызвал пожарных, заметив дым, и вот Наталью Борисовну, брыкающуюся и визжащую, под руки выводили из подъезда, а она, совершенно обезумевшая и прозрачная, разбивая в кровь босые заочевенные ноги, тощая и белая, кричала своим контральто:

– Т-ты смотри, какие сволочи!.. Т-ты смотри!..

...Фотографии ещё месяц валялись по всему двору.

А ближе к весне в их квартире начался ремонт.

Квартиру получила многодетная семья какого-то сантехника-узбека, и всё успокоилось. Целая бригада земляков сантехника с колоссальным трудом вытащила пианино из подъезда, погрузили на грузовик и увезли куда-то. Говорили, что внутри пианино нашли мумифицированного Шарика с забинтованными лапами, одетого в детские штанишки, шапочку и курточку...

Серьёзное дело

– Не побеспокою?... – Василий Сергеевич начинает привычно с порога, издалека сообщая о своём приближении, – Не побеспокою, говорю, милая?

– Здравствуйте, Василий Сергеевич, – красавица Верочка сияет белым халатиком. Сложив ухоженные лапки на столе, она улыбается открыто и просто. Старик с длинной белой бородой захаживает часто. И по всему выказывает в себе отменного когда-то кавалера. Еле ноги переставляет, а осанку держит молодецки, разговаривает вежливо и с достоинством. Compliments говорит простые и приятные.

– Как вы сегодня, Василий Сергеевич?

– Да «как-как»? – вздыхает тот озабоченно, стараясь не пугать, но умница Верочка уже увидела тень на его лице, и участливо нахмурила бровки, готовая слушать и жалеть, – Давление, понимаешь... Погода вишь чего выделяет?.. Вчера смотрю – минус пять! А сегодня утром глянул – мать честная! Плюс четыре уже!.. И это с утра уже!.. Ну надо же?.. Тут какое давление-то нам старикам?...

Девушка кивает, соглашаясь. На красивом личике испуг и сочувствие, аж губки ладошкой прикрыла.

– А так, вроде ничего!.. – приятно польщённый искренним участием, Василий Сергеевич спешит успокоить, пошутить, – Коптим потихоньку небо-то!.. Хотя и мухомор-то я уже старый, да дряхлый!.. А ишо ничё!.. Бултыхаемся!..

Верочка улыбается, чуть покачивая головой, мол «какой-же вы там старый?», язычком цокает, а дед перебивает, заранее не соглашаясь:

– Да, милочка!.. Старый уж!.. Старый!.. И глаза ни те, и... забывать стал... Мухомор и есть мухомор!..

По-мужски круто поворачивая тему разговора, Василий Сергеевич поднимает бровь, спрашивает строго:

– Замуж-то не вышла ишо?

Верочка смеётся, краснеет, расцветая на глазах. Мотает головой озорно, шлёпает себя серёжками по щекам, в шутку показывая виноватую:

– Никто не зовёт!..

– От же ж!.. – старик театрально рубит сухой огромной ладонью воздух, горько ругается строгим шёпотом, – От же ж паразиты какие безглазые!.. Упустят такую раскрасавицу!.. Упустят же!.. Дуралеи такие!..

Делово допрашивая, словно любимую внучку, продолжает строго:

– Жених-то есть?

Верочка ставит кулачки в боки, подчёркивая красивую грудь и отвечает не сразу, словно поддразнивает:

– Есть.

– Ага!, – дед резво придвигается ближе через стол, допытывает, смешно хмуря брови, – Хороший мужик-то?.. Не обижает?..

– Меня «обидишь»!, – смеётся Верочка, – Я сама кого-хощь обижу!..

– Это правильно!.. Это правильно!.. – Василий Сергеевич довольно отходит на шаг, усиленно кумекая в голове, словно уже насчёт свадьбы размышляет, высчитывает, – Это хорошо... Очень хорошо!..

Будто раскладывая по полочкам информацию, дед довольно потирает руки, «угукая» себе под нос. Бороду поглаживает с таким видом, что «мол, дело сделано!»...

– Но ты не спеши, касатка!.., – неожиданно поворачивается, говорит горячо, – Не спеши, милая!.. Это... дело такое!.. Тут... Не надо спешить!.. Посмотри, оглядись. Что за человек, что бы без ошибки какой... Тут спешить не надо!..

Верочку удивляет, как близко дед принимает участие. Будто единственную дочь выдаёт. Аж неловко.

– Хорошо, Ва...

– Тут надо хорошенько посмотреть!, – старик вздыхает на полном серьёзе, хмуря брови от навалившейся проблемы, – Работает?, – спрашивает так строго, что Верочка перестаёт улыбаться, отвечает, словно директору:

– Да... Работает... Вроди...

– Ты мне это брось!, – громко перебивает Василий Сергеевич, строго грозит пальцем, на лице ни тени улыбки, передразнивает ядовито, – «Вроди!» Ты напрямую скажи – работает или нет?.. Чего это значит – «Вроди!»...

– Работает, – тихо сглатывает Верочка, чуть струсив.

Василий Сергеевич смотрит свысока, сурово. Размышляет, верить или нет дурёхе. На это Верочка тушует так очевидно, что старик спохватывается:

– Ну, ладно, ладно..., – порывается обнять, но барьер мешает, – Не обижайся!.. Тут дело такое!.. Серьёзное!.. А-то попадётся какой охламон!.. Потом расхлёбывай!.. Такую касатку за какого-нибудь забулдыгу!.. Тут надо с умом!.. Понятно?..

– Угу..., – совсем съёжилась Верочка, даже глаза не поднимает.

– Ты вот чего!.. Ты меня с ним сведи как-нибудь!.. По хитрому!.. Посмотрим, чего там за фрукт какой? Ага?

Верочка покорно «агакает», и старик опять смотрит пристально, недоверчиво.

Чуть походив взад-вперёд, заложив руки за спину, Василий Сергеевич примирительно подмигивает:

– Не обижайся, милая. Я ж от всей души. Тут ыть...

Видя, что Верочка натянуто улыбнулась, он делово роется в карманах, тычет пальцев в витрину, переходя на официоз:

– Батончик вон тот, по двадцать два, и кефир, две коробки.

Получив сдачу, Василий Сергеевич опять подмигивает:

– Я зайду ишо.

– До свидания.

– Угу.

...Из подсобки не спеша выходит заспанная напарница Наташка:

– С кем ты тут, Вер?.. Трындите, трындите... Без остановки...

– Да старик этот... Бородатый... Помнишь?.. Одинокий дед... Василий Сергеевич..., – вздыхает Верочка, тихо усмехаясь, – Замуж меня выдаёт.

– За кого?, – Наташка округляет глазищи, замерев в неудобной позе. Видя, что Верочка опять усмехается, девушка обиженно ругается, уходя в подсобку, – Да ну вас на фиг, Вер!.. Вот когда ты будешь отдыхать, я тоже так разорусь на весь магазин, что обалдеешь!.. И замуж схожу, и разведусь заодно!..

Апрель

... – Нет, нет и ещё раз нет!, – стуча по воображаемому столу чистым сухим кулачком, Сергей Витальевич окончательно выходит из себя, – Что вы возомнили о себе, уважаемый Емельян Семёныч? Вы что же теперь – политолог?

Шумно набрав воздуха носом, Сергей Витальевич задохнулся от возмущения:

– Как можете вы – человек с багажом в шесть десятков лет, рассуждать так чудовищно дилетантски и, вместе с тем претендуя на авторитетность мнения, о вещах, в которых, как я вижу, вы совершенно не смыслите?! Со-вер-шен-но!!..

Запахнув, словно плащ, не по размеру большую пижаму, Сергей Витальевич встал перед лавочкой, и свысока посмотрел на собеседника:

– Ваши доводы абсурдны – раз! Не имеют под собой ни малейшей исторической, а тем более документальной трактовки – два!, и просто оскорбительны для меня, как для... гм..., – сжав губы, подбирает слово, – как для гражданина и патриота, в конце концов!.. Вы отдаёте себе отчёт, что ваши аморальные рассуждения в принципе извращают нашу историю?!..

...Удобно откинувшись на рельеф спинки и положив обе руки на плешь, Емельян Семёныч улыбается и с удовольствием смотрит на друга:

– Прекратите! Сергей Витальевич, прекратите, я прошу вас. Моя аргументация почерпнута из более авторитетных источников, уж поверьте, милейший! И тем паче мне странно видеть вашу реакцию, как оппонента, уважаемый вы мой! Отвергая очевидные тенденциозные трактовки, вы, дорогой мой, подходите к данной тематике сугубо амбициозно и болезненно, к вящему моему сожалению. И если вы, всё же потрудитесь выслушать мою точку зрения, версию так сказать, построенную на куда уж более сведущих источниках, чем мы с вами, я, возможно, смогу пошатнуть вашу версию статус кво!.. Да-с!..

Но Сергей Витальевич не в силах более слышать это!

Нервно вскакивает он перед лавочкой, делает большой вдох неба, и выпускает воздух трубочкой. Намотав на руку пижаму, словно тогу, он демонстративно садится, закидывая костлявую ногу на ногу:

– Ну-с... Я весь внимание!.. Прошу-с!..

– Полно вам обижаться, коллега, – Емельян Семёнович замечает, что вскакивания друга привлекли внимание санитаров во флигеле, и берёт на пол тона ниже:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.